

только мощным мастером живописи, но и умельцем психологического рисунка, но и поэтом, удивительным образом сохранившим в суете приморских городов верность певучему и лагідному, терпкому и сумному украинскому языку.

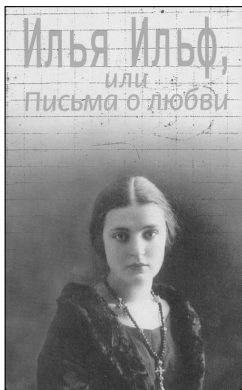
Стихи и графика как бы перетекают друг в друга, являя собой то ли віночок, то ли сюиту. И в этой композиционной целостности — еще одна заслуга автора проекта — так нынче называется то, что придумал и осуществил Губарь.

...Открыв наугад альбом прочел и увидел то, что предлагаю и вам:

Як крутяться	Неспинний
колеса часу!	і священний
Трансмісії	рух —
людських доріг	Володар Всесвіту
монтуються,	Одвічний —
в світах	смішних
безкраїх,	не потребує
де радість,	монументів...
горе,	1966
піт	
і кров.	

Феликс КОХРИХТ

Другие берега — Любви

А.И. Ильф
Илья Ильф, или Письма о любви
Москва, "Текст", 2004

Через бурное море последних восьмидесяти лет нашей истории, с других берегов, до нас долетел пронзительный и чистый голос Любви. Нам подарила судьба счастье родиться в том же городе, где родились они, эти двое влюбленных. Их имена известны. Более того, Он знаменит, и Его имя стало очень важной составляющей в культуре страны, города и каждого из нас. Он — это Илья Ильф, и его любовь — юная художница Маруся Тарасенко, которая станет его женой.

Недавно в московском издательстве "Текст" вышла книга "Илья Ильф, или Письма о любви", подготовленная и откомментированная Александрой Ильиничной Ильф.

В книгу вошли полторы сотни писем, из которых половина принадлежит перу Ильи Ильфа, два рассказа самого писателя, документы, свидетельства современников...

Но, конечно, нерв книги, ее прозрачный воздух — это переписка Ильи Ильфа и Маруси Тараненко, их мир, в котором шум их времени, картины бытия. Но все же над всем этим, преодолевая житейские невзгоды, звучат два голоса, две мелодии, сливающиеся в одну — музыку любви.

У большинства поэтов любовная лирика — суть поэзии ("Ангел мой, ты слышишь ли меня?"). Мы часто, повторяя любимые строки и строфы, соотносим их со своими переживаниями, со своим душевным опытом.

Другое дело — письма двух людей, предназначенные только друг для друга. Публикация писем при жизни даже одного из участников любовного дуэта, мягко говоря, вызывает чувство сомнения и неловкости. Очевидно, не только "стихам, как драгоценным винам", но и письмам особенно, должен прийти "свой черед". Вот он и пришел — черед этим посланиям.

Эти письма невозможно цитировать, вырывая отдельные строки, разрывая их живую, трепещущую на сквозняке испытаний ткань.

На что похожи эти письма? На письма к Прекрасной даме? Нет, в них отсутствует учтиво-холодная куртуазность. На письма о "науке страсти нежной"? Тоже нет, в них не найти смутивших бы стыдливого читателя откровений.

Эти письма похожи только на тех двух талантливых и счастливых людей, которые их писали.

Страстно, взахлеб, в смятении любви и горестях размовок писались строки этих писем.

Что для нас эти письма?

В них возникает холодная и голодная Одесса. И такая же Москва. Продутые ветрами одесские улицы и московские переулки. Сошедший с ума быт. Его скороговоркой произнесенные детали.

В них возникает перед нами другой Илья Ильф, о котором мы догадывались, а сейчас явственно увидели — цельный, ранимый, защищенный только любовью. Илья Ильф, говорящий иным языком, в этих письмах таким же естественным, но иным, чем язык романов, записных книжек, фельетонов.

Удивительно, но ни у Ильфа, ни у Маруси — никаких колоритных осо-

бенностей одесского языка. Даже их речь, обращенная друг к другу, отказывается от локальной языковой географии. Язык двух сердец.

Время, в которое писались эти письма, было, вероятно, еще более жестким и омерзительным, чем наше.

Но вот же, два человека, два сердца, две души — сохранили любовь, достоинство и благородство! Не главный ли это дар книги "Илья Ильф, или Письма о любви"? Не урок ли это читателям этой книги?

И еще об одном. Есть распространенная банальность — о природе, отдыхающей на детях гениев. Мне не хочется в это верить. Книга, о которой идет речь, служит подтверждением моего несогласия. На мой взгляд, природа награждает детей гениев другими дарами. Даром памяти, верности, любви, подвижничества, что, согласитесь, немало. Александра Ильинична Ильф и все, что она делает, безукоризненно и элегантно (в отзывах об Илье Ильфе частый эпитет — элегантный), — тому свидетельство.

Валентина ГОЛУБОВСКАЯ

